

**ПРЕДМЕТНЫЙ МИР КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ
КОНЦЕПЦИИ РОМАНА В.НАБОКОВА «МАШЕНЬКА»**

Статья посвящена исследованию предметного мира раннего набокковского романа «Машенька». Детально проанализирована взаимосвязь предметного мира с хронотопом романа. В статье исследуются функции и значение предметов в соответствии с особенностями временных этапов.

Ключевые слова: предметный мир, хронотоп, параболическая модель времени Оригена, мотив тупика, функции предметов.

Статья посвящена дослідженню предметного світу раннього набокковського роману «Машенька». Детально проаналізовано взаємозв'язок предметного світу з хронотопом роману. У статті досліджуються функції і значення предметів відповідно до особливостей тимчасових етапів.

Ключові слова: предметний світ, хронотоп, параболична модель часу Оригена, мотив безвиході, функції предметів.

The article deals with objective world of Nabokov's early novel "Mashenka". The relationship between the objective world and the chronotope of the novel is analyzed in detail.

Key words: objective world, spatial-time parabolitic model of Origen, motif impasse, the function of the objective.

Проза В.Набокова – одна из ярчайших страниц в литературе XX века. Он открыл новые возможности художественного осмысления действительности. Его творчество достаточно хорошо изучено в литературоведении. К числу наиболее содержательных исследований набокковского наследия относятся труды А.Долинина, Б.Аверина, Ю.Левина, С.Давыдова и др. Но именно потому, что мир набокковских романов многогранен, это дает возможность обратиться к проблемам, которые остались вне поля зрения, или были недостаточно изучены. К числу проблем, требующих дополнительного внимания литературоведов, можно отнести и своеобразие изобразительной манеры Набокова, поэтому актуальность данной темы исследования не вызывает никаких сомнений.

Становление изобразительной манеры В.Набокова относится к периоду работы над первым крупным произведением писателя – романом «Машенька». По мнению Б.Аверина, это произведение стало моделью всех последующих романов В.Набокова. Эта мысль перекликается с утверждением В.Ерофеева о том, что первый набокковский роман может быть рассмотрен как завязь будущего метаромана. В «Машеньке» начинает формироваться фабульная структура метаромана, основные линии конфликта метароманного «я» с миром.

Важную роль в этом процессе играет детализация изображаемой действительности. Предметный мир в романах Набокова рассматривался литературоведами с разных точек зрения. Такие исследователи, как В.Полищук, А. Яновский считают, что в первом романе

«Машенька» детали вещного мира были введены для достижения «эффекта реальности». В.Полищук высказывает мысль о существовании вещей-доминант в художественной системе В.Набокова. Она отмечает такие значительные для характеристики романного мира приемы, как овещствление человека и одушевление предметов, создающие в тексте оппозицию «человек-вещь». Своё исследование литературовед строит на материале романа «Король, дама, валет» [9]. Тему функциональности предметного мира набоковских романов затрагивала М.Медарич в работе «В.Набоков и роман XX столетия».

Целью данной статьи является исследование предметного мира романа «Машенька» в связи с эволюцией отношений главных героев романа, представленной через призму вещей и предметов их окружающих.

Изображенный мир в романе «Машенька» четко структурирован. Вещи выполняют характерологическую функцию, создавая стройный и логичный микромир, взаимосвязи и явления которого проецируются на отношения и чувства героев. Нельзя не согласиться с утверждением Ю.Зайцевой о том, что Набоков рассматривает соотношение вещи и человека по принципу зеркального отражения. Все предметы, окружающие героев романа, приобретают определенный смысл и символическое значение и взаимосвязаны с хронотопом романа. Временная модель в романе Набокова представлена как отражение мира прошлого в настоящем [3]. На наш взгляд, временная организация «Машеньки» построена в соответствии с параболической моделью времени Оригена. Ориген предлагал рассматривать человека в потоке времени, движущегося в будущее к большому совершенству. Но нельзя достигнуть этого совершенства, не обратившись назад. Идея временной модели Оригена состоит в том, что человек, стремясь к безграничному совершенству, одновременно углубляется и в прошлое, и в будущее [7].

С первых страниц романа мы знакомимся с главным героем в его настоящем времени. Перед нами предстает унылая и серая жизнь Ганина в Берлине, пансион г-жи Дорн, в котором живет герой. Сам пансион представляет собой перевалочный пункт. Дом находится рядом с железной дорогой и настолько близко, что «день-деньской и добрую часть ночи слышны были поезда городской железной дороги, и оттого казалось, что весь дом медленно едет куда-то» [6:6]. С одной стороны, железная дорога и пансион, воспринимаемый как дом на колесах, символизируют движение, возможность изменения жизни, и в тоже время вся эта символическая динамика является для «потерянных теней» – жителей пансиона иллюзией изменения. Все они стремятся уехать из этого дома, но случай или нечто свыше распоряжается их судьбами. Ганин уже несколько раз откладывал свой отъезд из пансиона. Другой жилец пансиона – Алферов тоже ощущает временность жилья, но ожидает жену, чтобы она решилась этот вопрос: «Ничего, как-нибудь проживем. Квартирку найдем, дешевенькую. Она уж решит. А пока здесь проживем» [6:50]. Подтягин стремится как можно быстрее получить разрешение на выезд во Францию, но, потеряв паспорт с долгожданной визой, он обречен на гибель в этом пансионе. Вся жизнь еще одной жительницы пансиона, Клары, монотонна и однообразна, в ней нет перемен, и сама Клара уже воспринимается как неотъемлемая часть пансиона. Предметный мир реальности указывает на безвыходность ситуации, в которой оказываются герои. Застрявший лифт, где впервые читатель знакомится с Ганиным и Алферовым, символизирует будущее тупиковое положение обоих героев. Сравнение лифта с клеткой подчеркивает безысходность ситуации. Такое ощущение замкнутости в

реальном мире усиливает желание ее преодоления. Прихожая пансиона, переходящая в голый и тесный коридор, по ироническому выражению автора, ведущий в «трагические и неблагоприятные дебри», бесконечные коридоры казенных учреждений, в которых бродит Подтягин, желя быстро оформить визу, являются символами жизненного тупика. Неспособность Алферова отказаться от вина в последний вечер перед приездом жены приводит его к одиночеству, которое тоже является жизненным тупиком. И только Ганину удастся вырваться из этого затхлого мира, но что ждет его впереди? Одиночество, чужбина? Сместе предположить, что это все тот же тупик. Детальное изображение жизни обитателей пансиона в настоящем временном пласте в романе раскрывает мотив тупика.

Характерологическая функция предметов пансиона г-жи Дорн важна для понимания внутреннего мира героев. Так, например, письменный стол, который стоял в комнате Алферова, заваленный какими-то «карандашными чертежами», создает впечатление, что хозяин его – энергичная деятельная натура. Но в то же время все эти чертежи «без всякой технической точности» оказываются символом бессмысленной светлости Алферова, его пустых попыток создать новую жизнь. Олицетворением насмешки над тщетными усилиями Алферова является жаба-чернильница, вззирающая на всю эту суету сует.

Вертящийся табурет в комнате танцоров, их «балетные снимки», «раскрытый веер, и рядом с ним – грязный крахмальный воротничок», «щегольская тросточка», «нечистая шелковая рубашка с открытым воротом» - все это оставляет ощущение сальности, затхлости и жеманности Колина и Горноцветова, нечистоплотности и театральной зауклиности их отношений.

Образ Ганина – обитателя пансиона – статичен, лишен развития. Последовательно Набоков выделяет в его образе элемент кукольности. Он «вял и угрюм» и в нем «ослабла какая-то гайка». Сравнение с дрессированным животным подчеркивает жалкое и угнетенное состояние Ганина, его несвободу, а его поза еще раз акцентирует наше внимание на некоторой марионеточности героя. «В понедельник утром он долго просидел нагишом, сцепив между колен протянутые, холодноватые руки, ошеломленный мыслью, что и сегодня придется надеть рубашку, носки, штаны – всю эту потом и пылью пропитанную дрянь, – и думал о цирковом пуделе, который выглядит в человеческих одеждах до ужаса, до тошноты жалким» [6:9]. Еще один важный элемент, дополняющий образ Ганина, с которым мы знакомимся в реальном мире, его тень, материализованная на киноэкране. Механичность проявляется и в отношении Ганина с нынешней возлюбленной, Людмилой. Принимая правила этих отношений, Ганин начинает превращаться в механическую куклу, которой стала и сама Людмила. В портрете Людмилы много деталей, говорящих о ее неестественности: «желтые лохмы», «острые, словно фальшивые ногти», «пурпурная резина ее поддающихся губ». Ганин не может разорвать отношения с Людмилой, хотя для него в этой женщине уже давно «все противно». Близость Ганина с Людмилой Набоков определяет как «схватку механической любви».

Такова жизнь главного героя в сером настоящем. Сам Ганин остро желает освободиться от всего, что в настоящий момент составляет его жизнь. Именно в этот период Ганин, увидев фотографию любимой девушки из прошлого, начинает ожидать встречи с ней в настоящем. Это дает толчок к разрыву с Людмилой и вселяет надежду на обновление. Ожидание Машеньки остается только ожиданием встречи, и способствует изменению, постепенному возрождению жизни в главном герое. Но возрождение это связано

не столько с будущими возможностями, сколько с возвращением его души в прошлое.

Мир прошлого отражается во внутреннем мире и сознании сегодняшнего Ганина. Предметы из отраженного мира прежней жизни пересекаются с предметами из нынешнего бытия героя. Фотография Машеньки, ее письма, старые открытки, русские книжки – предметы, которые корреспондируют к прошлому Ганина, но находятся в его нынешнем реальном мире. С фотографии начинается его перерождение. Она выражает интенцию, желание освободиться от серой и скучной жизни. Живая Машенька так никогда и не появится в реальной жизни Ганина, поэтому можно сказать, что Ганин увозит с собой некоторый символ надежды и веры в новую прекрасную жизнь. В воспоминаниях Машенька предстает как очень легкая, живая девушка. В реальной жизни Ганина мы видим только фотографию, фиксирующую ее прежний облик. Этот снимок выступает в качестве статичной детали ушедшей жизни, а в перспективном будущем Машенька – это скорее образ-символ, утративший свою человеческую реальность.

Предметный микромир прошлого, запечатленный в воспоминаниях Ганина, зеркально отражаясь в системе микромира настоящего, выполняет не только характерологическую функцию, но и функцию предсказания. Рассматривая детали предметного мира прошлого, можно предсказать развитие отношений главных героев. Весь мир воспоминаний Ганина характеризует время встреч его с Машенькой и время их переписки. Память Ганина оживляет каждый момент их встреч, воссоздаваемый с помощью деталей предметного и природного мира Знакомство Ганина и Машеньки происходит в июле, где сумерки летнего вечера, наполнены звуками и пахнувшей хвоей. Жаркий июль, его яркие дни и теплые вечера – это начало их романа. Август, осенние нотки в природе, увядание жизни, «черная клубящаяся мгла» – все говорит о скором изменении отношений, а последняя встреча «в желтом потоке вечерней зари» в «дымном закате», в поезде, мчащемся между двумя волнами «торфяного сероватого дыма», явилась символом будущего разрыва.

Важной деталью предметного мира романа является дом, который символизирует и определяет состояние души героя. Образ дома в романе В.Набокова многозначен. Прошлое героя связано с его деревенским домом и с белой усадьбой как местом встреч с Машенькой. Настоящее представлено пансионом г-жи Дорн. Деревенский дом из воспоминаний героя представляет собой тихую пристань, уголок счастья, покоя и стабильности. Его дом «весело и спокойно глядел цветными глазами своих двух веранд», в гостиной стояла «белая мебель и на скатерти стола, расшитой розами, лежали мраморные тома старых журналов, желтый паркет выливался из наклонного зеркала», на веранде лежал «камышовый ковер» [6:45]. «Янтарный паркет», «солнечные лужи», «цветной моток шелка», «солнечная прелесть комнат» деревенского дома, где шестнадцатилетний Ганин выздоравливал после тифа, – все подчеркивало предчувствие счастья и ожидание любви.

Возвращаясь в реальное время героя, мы видим, что Ганин, ожидая появления Машеньки, тоже чувствует себя выздоравливающим: он «ощущал первое вставание с постели, <...> смотрелся во все зеркала, белье и одежды казались необыкновенно чистыми...», он замечал «освященный угол дома», «разноцветные рекламы», «повозку, нагруженную огромными связками фиалок», видел в «супротивном доме <...> в светлом янтарном провале <...> стеклянные искры, золоченые рамы» [6:69; 6:81]. Весь предметный мир Берлина, который герой воспринимает совсем иначе, чем это было в начале повествования, передает предчувствие обновления и счастья. Таким образом,

янтарный свет, солнце, золотые переливы, солнечные блики становятся в романе знаком счастья и надежды. Эта светоносность, обнаруженная Ганиным в сером мире чуждого ему Берлина, возвращает его к счастливым мгновениям юной любви. Уютный, живой и теплый дом резко контрастировал с той белой пустой усадьбы, где он встречался с Машенькой. Накануне отъезда Ганина в Петербург их свидание с Машенькой в пустом доме оказалось вестником «всех грядущих кошмарств». Сам дом выглядит как некое забытое брошенное существо, мертвое снаружи и доживающее последний миг изнутри. Дом, в котором есть «мертвая мебель в чехлах», где «ставня отвернута», как лицо человека, и «хряснувшее стекло» разбивается во время драки, как человеческая сломанная кость, несет на себе отпечаток мрачности и одиночества. Этот дом кажется оболочкой чужой умершей души и предсказывает невозможность возрождения взаимоотношений героев в будущем. Усадьба, в которой встречались Машенька и Ганин является предвестником берлинского пансиона. Оставив в прошлом свой дом-пристань и Машеньку, Ганин стал одиноким скитальцем. Он безнадежно пытается вырваться из настоящего, отчаянно желая и надеясь на обновление и обретение своей пристани в будущем.

Пережитое заново прошлое возрождает в Ганине жизненные силы и в финале романа он предстает «здоровым, сильным, готовым на всякую борьбу», замечает, что «солнце поднималось выше, равномерно озарялся город ...». Примечательно, что за садиком, через который проходит Ганин, строится дом. Это еще одно строение, на которое автор обращает внимание читателя и героя. Ганин видит «желтый деревянный переplet – скелет крыши», который «золотом отливал на солнце», он смотрит на «желтый блеск свежего дерева» и понимает, что «его роман с Машенькой кончился навсегда» [6:81]. Новый дом представляет символ той новой жизни, которую герой только желает обрести. Этот дом еще строится и, следовательно, все лучшее, что для героя связано со значением дома, ждет его впереди. Ганин оставляет берлинский пансион, «дом теней» без малейшего сожаления. Для него начинается новый этап жизни. Реальная Машенька, приезжающая в этот настоящий мир из прошлого никогда не будет той Машенькой, о которой мечтал Ганин. В финале романа автор оставляет героя, способного к перерождению, на пороге нового прекрасного будущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверин Б. Дар Мнемозины: Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции / Б. Аверин. – СПб.: Амфора, - 2003. – 399 с.
2. Ерофеев В.В. Русский метароман В.Набокова или в поисках потерянного рая / В.В. Ерофеев // Вопросы литературы. – 1988. – № 9. – С. 125– 161.
3. Зайцева Ю.Ю. Мотив зеркала в художественной системе В.Набокова (на материале русской прозы) / Ю.Ю.Зайцева: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01– Пермь, 2004. – 210 с.
4. Левин Ю. Заметки о «Машеньке» В.В.Набокова / Ю.Левин// В.В.Набоков: Pro et contra. Личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: Антология. – СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. – С. 364 – 374
5. Медарич М. Владимир Набоков и роман XX столетия / М.Медарич// В.В.Набоков: Pro et contra. Личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: Антология. – СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. – С. 454 – 475

6. Набоков В. Машенька. Лолита: романы. – Волгоград: Ниж.– Волж. кн. изд-во, 1990. – С. 4 – 82

7. Ольсен Г. О циклической и линейной концепциях времени в трактовке античной и раннесредневековой истории. /Г.Ольсен // Цивилизация. – М.:, 1993. – вып. 2 – С.197-207.

8. Полищук В.Б. Жизнь приема у Набокова /В.Б.Полищук// В.В.Набоков: Pro et contra. Личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: Антология. – СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. – С. 815 – 828

9. Полищук В.Б. Поэтика вещи в прозе В.В.Набокова /В.Б.Полищук: автореферат дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01 – СПб, 2000. – 18 с.

10. Яновский А. О романе Набокова «Машенька»/ А.Яновский// В.В.Набоков: Pro et contra. Личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: Антология. – СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. – С. 842 – 850

УДК 821.161.1.09 – 31

Кушнірова Т.В.
(Полтава, Україна)

ОСОБЛИВОСТІ ЖАНРУ РОМАНУ О.ТОЛСТОГО «ГІПЕРБОЛОЇД ІНЖЕНЕРА ГАРІНА»

У статті простежуються жанрові особливості роману О.Толстого «Гіперболоїд інженера Гаріна». Визначено жанровий зміст твору, схарактеризовано його жанрові та стильові доміанти, провідні мотиви. Риси індивідуального стилю митця розкрито з урахуванням еволюції поглядів і творчого методу письменника, а також у зв'язках із літературними традиціями.

Ключові слова: жанр, стиль, жанровий зміст, доміанта, хронотоп, традиція.

В статтє рассматриваются жанровые особенности романа А.Толстого «Гиперболоид инженера Гарина». Определено жанровое содержание произведения, охарактеризованы его жанровые и стилевые доминанты, основные мотивы. Черты индивидуального стиля писателя раскрыты с учетом эволюции взглядов и творческого метода художника, а также в связи с литературными традициями.

Ключевые слова: жанр, стиль, жанровое содержание, доминанта, хронотоп, традиция.

The article deals with the peculiar features of the novel by A.Tolstoy «Heperballoid of Engineer Garin», its genre and style dominants, the main motives. The features of individual style of the writer opened in the view of the evolution of thinking and creative method of the artist, as well as in connection with the literary tradition.

Key words: genre, style, genre content, the dominant, chronotope, a tradition.

© Кушнірова Т.В., 2011